

УДК 821.161.1.0(092)

Миленко Виктория Дмитриевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Доцент кафедры «Русский язык и русская литература»,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

**А. Т. АВЕРЧЕНКО В БЕЛГРАДЕ:
НОВЫЕ ФАКТЫ И НЕИЗВЕСТНЫЕ ТЕКСТЫ**

Автор статьи впервые анализирует и обобщает данные белградской прессы 1922–1925 гг. На основе обнаруженных публикаций воссоздает даты и атмосферу вечеров юмора Аркадия Аверченко, характеризует его деловые контакты с газетой «Политика» и Национальным театром, прослеживает судьбу перевода повести «Подходцев и двое других» на сербский язык. Впервые публикует ранее неизвестные произведения писателя и интервью с ним. Белградские периоды эмигрантской биографии Аверченко оцениваются как значимые в творческой судьбе писателя.

Ключевые слова: эмигрантский период биографии, русская колония Белграда, театр «Гнездо перелётных птиц», повесть «Подходцев и двое других», комедия «Игра со смертью», интервью, авторизованный перевод.

Victoriya D. Milenko

PhD in Philology sciences, Associate Professor,
Humanitarian-pedagogical Institute,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**A.T. AVERCHENKO IN BELGRAD:
NEW FACTS AND THE UNKNOWN TEXTS**

Abstract. *The author of the article for the first time analyzes and summarizes the data of the Belgrade press of 1922-1925. Based on the findings, recreates the dates and atmosphere of the Arkady Averchenko's evenings of humor, characterizes his business contacts with the «Politika» newspaper and the National Theater, traces the fate of the Serbian translation of the story «Podhodstev and Two Others». For the first time publishes works of the writer and interviews with him, remained unknown. The Belgrade periods of the emigrant biography of Averchenko are characterized as significant in his creative destiny.*

Key words: *the emigrant period of biography, the Russian colony of Belgrade, the theater «The Nest of migrating birds», the story «Podhodstev and Two Others», the comedy «The Play with Death», interview, authorized translation.*

Для цитирования:

Миленко, В. Д. А. Т. Аверченко в Белграде: новые факты и неизвестные тексты // Гуманитарная парадигма. 2018. № 3 (6). С. 77–89.

— В какой стране из всех, где Вы побывали,
Вам больше всего понравилось?
— Больше всего в Сербии, меньше всего в Болгарии.
Из интервью А. Т. Аверченко (Прага, 1922 г.)

Эмигрантский период биографии Аркадия Аверченко был кратким, около пяти лет, но обширным географически. Писатель побывал в Турции, Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (далее КСХС), Австрии, Чехословакии, Веймарской республике, Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Вольном городе Данциг, Румынии. С 1924 года Аверченко собирался съездить в США, но не успел.

Общий контекст и фактография этого периода до сих пор были известны из докторской диссертации Д. А. Левицкого «Жизнь и литературное наследие Аркадия Аверченко» (Филадельфия, 1969), а также из наших монографий «Аркадий Аверченко» (М., 2010) и «Аркадий Аверченко: Беженские и эмигрантские годы (1918–1925)» (в соавторстве с А. Е. Хлебиной; М., 2013). В последней работе удалось в деталях воссоздать, к примеру, константинопольский и пражский эпизоды биографии писателя. Что же касается белградского, то он не был в фокусе нашей научно-исследовательской рефлексии, а Д. А. Левицкий характеризовал его преимущественно по материалам архива самого Аверченко. Однако сохранившиеся в нём вырезки из газет и журналов зачастую не имели ни датировки, ни названий изданий.

В этом году, благодаря содействию сербских коллег, нам удалось ознакомиться с белградской прессой 1922–1925 годов и восстановить события двух белградских периодов биографии Аверченко, а также атрибутировать материалы его архива. Особую ценность представляют обнаруженные тексты писателя (фельетоны, предисловия к переводам, интервью и др.), оставшиеся неизвестными. Мы впервые вводим их в научный оборот; перевод с сербского языка — наш.

Первый приезд Аркадия Аверченко в Белград состоялся в начале его эмигрантского пути. Прожив полтора года (15.XI.1920 г. — 13.IV.1922 г.) в Константинополе, писатель покинул его вместе с актёрами своего театра «Гнездо перелётных птиц» и 15 апреля 1922 года прибыл в Софию. Там он получил приглашение в Чехословакию. 30 апреля 1922 года газета «Lidové poviny» (Брно) сообщила, что Аверченко «на днях» прибудет в Прагу [22, с. 322], а пражская «Národní politika» в тот же день уточнила, что Аверченко ожидается с супружеской парой актёров Евгения Искольда и Раисы Раич¹ [Там же]. 6 мая того же года чехословацкий МИД официально уведомил Аверченко о разрешении им всем троим на въезд в страну [Там же, с. 323]. Однако по пути в Прагу писатель заехал в КСХС, в чём ему поспособствовал министр иностранных дел и поэт Милан Ракич.

Аверченко приехал в Белград 22 мая 1922 года, и в тот же день его посетил корреспондент местной сербской газеты «Време» («Время»). В вышедшем на следующий день номере этой газеты сообщалось, что писатель остановился в шестом номере отеля «Астория», и была опубликована беседа корреспондента с русским писателем:

«Г. Аверченко был в очень хорошем настроении.

— Я всегда такой. Родился в Севастополе. Настоящий русский южанин. Там много солнца, вот я и пропитался лучами. Моё хорошее настроение не смогли омрачить даже большевики, когда поначалу арестовали меня в Петрограде... Потом я снова жил под ними два месяца в Севастополе. Тогда я засел дома и написал комедию в трёх действиях. Комедия называется „Игра со смертью“.

Замечательный писатель родился в 1884 году в Севастополе. Ему 38 лет.

— Вы так много писали.

— Писал и как обычный писарь в одной канцелярии угольного рудника в Екатеринославле и как писатель. Да. До двадцати шести лет я был обычным писарем. Однажды начальник канцелярии мне откровенно сказал: „Аркадий Тимофеевич, вы выглядите способным человеком, но как писарь ничего не стоите. Идите в Петроград, может, там нужны такие 'способные'“. Я послушался. В Петроград прибыл без денег. Голодал, но недолго. Через три месяца меня знал весь Петроград. Скоро я стал главным редактором петроградского „Сатирикона“ и редактировал его около десяти лет, пока большевики его не закрыли. В России до бегства я выпустил двадцать сатирико-юмористических сборников. Каждый разошёлся в 100000 экземпляров. Когда я вынужденно покинул Россию, там осталось два

¹ Эта пара появилась в жизни писателя в том же 1922 году и была неразлучна с ним ближайшие два года.

миллиона моих книг. Многие мои произведения переведены на немецкий, французский, польский, испанский и т. д.

Четыре года назад начал играть в своих комедиях. Сначала было трудно — говорит г. Аверченко — зато потом пошло легче. Теперь совсем легко, хотя не знаю, хороший ли я актёр. С другой стороны, если публика сочтёт меня плохим актёром, то пусть судит обо мне как о писателе. Потому что играю я именно в своих комедиях. У меня их около сорока, одноактных.

Бежал из Крыма с Врангелем. В Константинополе провёл больше года. Сегодня приехал в Белград и трудно сказать, сколько здесь пробуду. Может, всего неделю... Привёз свою маленькую труппу. Три господина и три дамы. Наша труппа называется „Гнездо перелётных птиц“. Перед белградской публикой выступим только один раз, в зале „Станкович“, в субботу вечером 27-го. Я тоже буду играть. Сыграем „Москвичку в Константинополе“, „Аверченко на благотворительном концерте“, „Стариков“ и „Сердцеда“» [21, с. 3].

В этом интервью мы слышим живую речь писателя, хотя и несколько искусственную. Фразы в «телеграфном стиле»: видимо, писатель с журналистом едва понимали друг друга. Впоследствии Аверченко предпочтёт сам фиксировать интервью с собой, неизменно юмористически их обыгрывая. В интервью с корреспондентом сербской газеты «Време» этого ещё нет. Однако ценность данной публикации в том, что она позволяет утверждать: дезинформация о том, что Аверченко родился в 1884 году, пошла от него самого. Эта же дата вскоре появится в документах чехословацкого МИДа, а в конце концов, и на могильном памятнике писателя. Аверченко умышленно омолодил себя; на самом деле по приезде в Белград ему было 42 года. Интересны первые эмигрантские интервью ещё и тем, что стали толчком к новому житнетворчеству: в Европе никто не знал биографии Аверченко; можно было рассказывать о себе что угодно. Желательнее всего — ужасы о большевиках, частью которых стала легенда о его аресте или попытке ареста в Петрограде, неоднократно нами подвергнутая сомнению [22, с. 39–54].

Писатель не владел ни сербским, ни каким-либо другим иностранным языком. С большой долей вероятности предполагаем, что посредником в его общении с сербами стал русский эмигрант Юрий Львович Ракитин, живший в Белграде второй год и окружённый почётом. Он служил режиссёром белградского Национального театра. Аверченко же знал Ракитина ещё по петербургскому Литейному театру, с которым активно сотрудничал.

23 мая 1922 года, на следующий день после приезда Аверченко, Ракитин давал гоголевскую «Женитьбу». Если предположить, что писатель посетил спектакль, то легко объяснить, где и когда они с Ракитиным решили, что нужно устроить ещё один вечер в Белграде. Это случилось в театре, что в то время располагался в здании бывшего кавалерийского манежа (основное

здание находилось на затянувшемся ремонте). Его так и называли — Манеж; здесь и запланировали второй вечер, 30 мая.

Что же касается первого — в зале музыкальной школы «Станкович» — то рекламировать его взялась солидная и старейшая местная сербская газета «Политика». Через три дня после приезда Аверченко она поместила его фельетон «Утисци из Бугарске» («Болгарские впечатления»), сопроводив редакционной аннотацией о том, что знаменитый русский писатель, несмотря на занятость в связи с подготовкой к вечеру в «Станковиче», напишет несколько фельетонов для «Политики». «Утисци из Бугарске» — первый из них [1, с. 4].

Первый и единственный оригинальный — добавим мы. Остальные семь фельетонов, проданные «Политике», были старыми. Однако Аверченко ничем не рисковал. Как напишет чуть позднее местный журнал «Comedia», в Сербии, в отличие от других стран Европы, его совсем не знали [16, с. 5].

Текст фельетона «Утисци из Бугарске», хотя и неизвестного пока научному сообществу, приводить не станем. Ограничимся фрагментами, объясняющими скорый отъезд писателя из Софии. Так, он делился, что болгары оказались столь нелюбезны, что он не удержался, чтобы не съязвить:

«— Хорошо же вы, болгары, отблагодарили Россию за Шипку.

— О-о, — усмехнулся он (полицмейстер. — В. М.) иронично, — болгары и русские — братья!

— Совершенно верно. Каин и Авель тоже были братья» [1, с. 4].

Негодование Аверченко вызвал и болгарский премьер-министр Александр Стамболийский, что симпатизировал коммунистам:

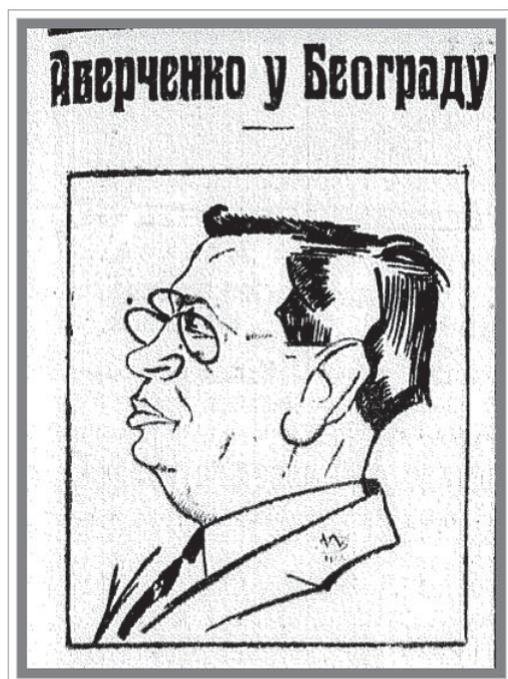
«...в Софии меня интересовали и коммунистические круги.

Во время пролетарской процессии на первое мая — один малый, тащивший красную метлу и портрет Троцкого, узнал меня в толпе любопытных и гаркнул „с места“:

— Аверченко! На фонарь тебя надо!

Я только широко улыбнулся» [1, с. 4].

Улыбался писатель и в редакции «Политики», но не широко, а скорее хитро. Таким его изобразил безымянный художник в следующем выпуске газеты от 27 мая, в день грядущего выступления в «Станковиче». Рядом с шаржем помещалась пространная анонимная статья «Аверченко у

Шарж на писателя в белградской газете «Политика»
(№ 5061 от 27 мая 1922 г.)

Београду» («Аверченко в Белграде») с анализом его творчества. И — напоминание программы вечера, в которой произошли изменения: убрали «Стариков» и «Сердцееда» (они пойдут на втором вечере в Манеже), вместо них поставили «Драму в доме Букиных», «Штрафы» и «О чём щебетала ласточка» [5, с. 7].

Судя по отзывам, вечер удался. Так, серб Ж. Миличевич в рецензии «Гнездо тица селица» («Гнездо перелётных птиц») размышлял о метафорическом смысле названия театра. В отличие от русских эмигрантов он не уловил в нём трагических оттенков. Напротив, утверждал: «Как и в гнезде перелётных птиц, в нём (театре. — В. М.) весело, живо, щебечуще» [15, с. 3]. Миличевича очаровала атмосфера «жизнерадостного оптимизма», которую создал Аверченко — «человек с русского юга» [Там же]. Побывал автор рецензии и на «субботнике» Литературно-художественного общества в «Гранд Отеле», что состоялось после спектакля. Там Аверченко снова выступал: «Вместе с другими я снова от души смеялся над его новыми рассказами» [Там же].

Может быть, именно к этому «субботнику» относятся воспоминания журналиста Николая Захаровича Рыбинского, коллеги Аверченко ещё по «крымскому сидению», а теперь сотрудника белградской русской газеты «Новое время»:

«...как-то в дружеской компании после сербских „ражничей“ (шашлыков) и лютой ракии, за ароматным турецким кофе, среди прочей болтовни заговорили о литературе, и Аверченко сказал:

— Давно меня мучит одна тема о символе русской революции, да негде печататься. Если бы издавалась большая газета, вроде сытинского „Русского слова“, я бы написал большой пышный подвал, а темой был бы подлинный случай. Прибыла к нам с визитом французская эскадра. После официального парада состоялось объединение русских и французских матросов. Был обед с традиционной русской чаркой водки; французы поставили вино. Потом французы стали показывать гимнастические упражнения на мачтах. Какой-то подвыпивший матрос решил „догнать и перегнать“ французов, быстро поднялся на салинг, стал на голову и, к общему ужасу, сорвался и полетел камнем. К счастью, непонятным образом, зацепился и с ободранной спиной повис на рее. Бледный, с перекошенным от боли и испуга лицом, он закричал французам: „А так умеете, сволочи?“» [14, с. 264].

Рыбинский не знал, что фельетон «Прыжок матроса Ковальчука», где был описан этот случай, Аверченко напечатал в газете «Приазовский край» (Ростов-на-Дону) ещё 7(20) ноября 1918 года.

В день второго вечера писателя, 30 мая 1922 года, «Политика» поместила второй его фельетон «Приповедачи» («Рассказчики») и анонс: в

Манеже будут показаны «Макс» (с автором в главной роли), «Старики», «Сердцеед», «Ключ», «Птичья головка», после чего писатель будет читать свои рассказы [6, с. 5]. Для привлечения публики объявили, что сам маэстро Ракитин в качестве простого актёра будет помогать Аверченко.

Наиболее яркий отзыв на это выступление оставил некто Д. Крунич в сербской газете «Правда». Отметив всё то же обаяние «юмора русского юга» и т. д., Крунич обратил внимание на актёров. В первую очередь, на Ракитина: «В тот вечер мы увидели кое-что новое: г. Ракитина в качестве актёра. Его игру отличает полная естественность» [13, с. 3]. Затем похвалил «темпераментную» госпожу Раич и «выдающегося» Искольда. А вот финал рецензии не столь бравурен: «Народу на вечере было мало, как и на любом другом вечере, где нет музыки. Белградцам простительно, но не русской колонии, которая хотя бы из ностальгии и такта должна была в гораздо большем количестве посетить вечер своего замечательного соотечественника» [Там же].

По-видимому, со вторым вечером просчитались: у русской колонии лишних денег не было, а те, у кого были, пришли на первый вечер. Зато у Аверченко сложились дела литературные: кроме восьми фельетонов он продал «Политике» право печатания своей повести «Подходцев и двое других» (1917). Ракитину же продал комедию «Игра со смертью», о которой рассказывал в день приезда. Перевод пьесы на сербский выполнит Любомир Максимович, который в 1921 году готовил сборник Аверченко «Над попом попа!»² (Белград – Нови Сад).

Трудно сказать, когда именно Аверченко покинул Белград. Известно лишь, что далее его путь лежал в хорватский Загреб, где он выступил 15 июня, а через два дня его уже встречали в Праге. Едва устроившись в столице Чехословакии, в отеле «Zlata Husa», писатель отправился в продолжительное турне по стране, которое закончилось только в начале сентября 1922 года. Вернувшись в отель, он в числе другой корреспонденции обнаружил письмо от редактора «Политики» Миомира Миленовича, датированное ещё 12 июля. Тот передавал привет от министра иностранных дел Ракича и сообщал: «Ваш роман „Подходцев и другие“ вызвал очень большой интерес у нашей публики» [17, л. 2].

В отечественной традиции «Подходцева...» принято относить к жанру повести; сербы же сочли его романом. Разница, как известно, зыбкая. «Подходцев и другови» печатался в «Политике» с 9 июля по 4 августа 1922 года. Этому предшествовал вполне традиционный, но несколько легкомысленный для такого серьёзного издания рекламный ход. 29 июня в

² Перевести название затрудняемся.

газете появился рисованный портрет неизвестного мужчины, под ним стоял знак вопроса. Он же попеременно с двумя другими портретами неизвестных появлялся на полосах до 4 июля, а выпуск от 6 июля был в некоторой степени им посвящён: один портрет — на первой полосе, второй — на третьей, на пятой — третий портрет, а на седьмой — впервые все три вместе под заголовком «Подходцев и другови». Под ними текст: «Разыскиваются. Просим читателей, кто знает о них, доставить к нам» [19, с. 7].

Наконец, 7 июля под картинкой с заглавием «Подходцев и другови» редакция поместила разъяснение:

«Большой роман Аркадия Аверченко, чьими мастерскими произведениями читатели „Политики“ имели возможность наслаждаться, начнёт выходить в нашей газете послезавтра, в воскресенье.

Великолепный юморист, замечательный рассказчик и прекрасный знаток человеческой души Аверченко сумел создать новое сочетание ежедневного фельетона, что читается всласть, и романа, за событиями которого следишь.

Каждая глава образует отдельное целое, и может читаться в „Политике“ как отдельный фельетон — и в то же время это только один эпизод приключений Подходцева и товарищей. <...>

Завтра — предисловие Аверченко к сербскому изданию.

Иллюстрации специально для „Политики“ — от г. Владимира Жедринского» [Там же].

Имя переводчика редакция не назвала, ограничившись указанием, что это «один из наших выдающихся знатоков русского языка и литературы» [Там же]. Что касается Владимира Ивановича Жедринского, то он служил художником-декоратором в Национальном театре, т. е. был не просто русским эмигрантом, но и коллегой Ракитина.

Реклама сербского перевода повести «Подходцев и двое других» в газете «Политика» (№ 5099 от 6 июля 1922 г.). Такими художник В.И. Жедринский увидел (слева направо): Клинкова, Громова, Подходцева.

Как и было обещано, 8 июля 1922 года появилось авторское «Предисловие к сербскому изданию», которое, как и всё вышесказанное, до сих пор оставалось неизвестным:

«Я очень рад, что мой единственный большой роман выходит на сербском языке.

В этом романе я не воспеваю любовь мужчины к женщине, ту любовь, что быстро проходит — я пою гимн чистой дружбе, вечной и непреходящей.

В той катастрофе, что случилась с Россией, у нас оказалось очень мало друзей, и среди них благородная Сербия...

Вот почему мой роман о дружбе на сербском языке выходит как некий символ, и я буду счастлив, если мои сербские читатели, к которым чувствую симпатию, понимают это.

Роман „Подходцев и другие“ закончен; слово „конец“ написано. Однако я оставил маленькую щёлочку, через которую я снова смогу усталым оком подсмотреть — какими путями пойдут дальше Подходцев и его друзья» [2, с. 7].

Рекламный тезис о том, что роман якобы только что закончен, разумеется, мог появиться исключительно по обоюдному согласию автора и редакции. В эмиграции Аверченко имел в распоряжении свои книги, а не рукописи, брошенные в Петрограде, поэтому сербский перевод мог делаться только с книги. Забегая вперёд, скажем, что отдельным изданием «Политика» выпустит «Подходцева...» в 1925 году, после смерти автора и в память о нём. Тогда и назовут переводчика: М. К. Сретенович.

Что же касается 1922 г., года первой встречи Аверченко с КСХС, то он завершился выходом здесь трёх его книг. Две увидели свет в Белграде: «*Odabrane pripovetke*» («Избранные рассказы») в переводе Владана Стояновича, выпущенная издательством «Освит-книга», и «*Iza zaklona*» («Из укрытия») в переводе Драгомира Тодоровича, издательства Святослава Дебелевича. Похоже, о последней автор не подозревал: в его личных записях отмечен только гонорар за первую. Третий сборник на русском языке — «Рай на земле» — вышел в Загребе; в 2014 году он был переиздан в многотомном собрании сочинений Аверченко московского издательства «Дмитрий Сечин» (том 12).

Остаток 1922-го и почти всю половину следующего 1923 года писатель провёл в гастрольных разъездах. Первая передышка выдалась только летом, когда он смог себе позволить отдых в Сопоте (в то время Цоппоте). Там в конце июня–начале июля 1923 года Аверченко написал новый роман «Шутка Мецената», который предложил нескольким редакциям, и в том числе белградской «Политике». В архиве писателя представлен ответ газеты, написанный русским эмигрантом А. В. Еропкиным: «По просьбе г-на директора „Политики“ д-ра Рибникара спешу уведомить Вас, что редакция

охотно приобретёт Ваш новый роман „Шутка Мецената“, но г-н директор просит Вас сообщить ему, в какой именно валюте он может выслать Вам гонорар и на какой банк, ибо долларами он лишён возможности это сделать» [18, л. 3]. Аверченко просил гонорар в долларах, так как собирал их для поездки в США. Несколько позднее, в марте 1924 года, он сообщит пражскому корреспонденту, что его новый роман «вышел на немецком языке и выходит на чешском, сербском и венгерском», а на русском не выходит [7, с. 9]. Писатель умолчит о том, что на русском роман печатался в ковенской газете «Эхо» и провалился. Что касается перевода на сербский, то его судьба неясна: в «Политике» роман не печатался; отдельным изданием не вышел.

В то же время есть относительно судьбы комедии «Игра со смертью», проданной Ю. Л. Ракитину и Национальному театру, полная ясность. Её премьера состоялась 21 ноября 1923 года на сцене Манежа. Режиссёром-постановщиком выступил Ракитин; играли сербские актёры. Рецензируя спектакль, театральный журнал «Comedia» напоминал, что Аверченко — хороший знакомый белградцев, что в прошлом году выступал с «Гнездом перелётных птиц» в зале «Станкович» и Манеже, а теперь г. Ракитин, друг писателя, поставил его первую большую трёхактную комедию «Игра со смертью», написанную в Севастополе при Врангеле и там же впервые поставленную [16, с. 3].

*Шарж на Ю. Л. Ракитина.
Журнал «Comedia»
(№ 2 от 26 ноября 1923 г.,
Белград)*

Ниже сам Ракитин делился воспоминаниями об их с Аверченко сотрудничестве в России: «Россия, как вы знаете, разделилась на два лагеря: красные — и Аверченко, который всегда был белым, абсолютно белым. Он — воплощённый смех, а

смех — это радость, смех — это жизнь, солнце, и его не может быть там, где кровь. Аверченко душой и телом театральный человек. Его всегда тянуло к театру, и не было лучшего друга у актёров. Как писатель он сразу схватывает комизм ситуации, понимает, как показать его посредством театра, поэтому в его комедиях актёры действуют очень чётко. А сколько, Боже мой, театров в России только и жили репертуаром от Аверченко! Он был широко популярен. Если и был у него недостаток, то один: не любил худых женщин, и своё сердце отдавал полненьким. Тем не менее, его успех у женщин был таким же, что и у публики, то есть огромным» [20, с. 4].

Судя по рецензии на сербскую версию «Игры со смертью» всё в той же «Политике», здесь тоже был успех. Автор, за чьими инициалами «Ж. М.» мы угадываем Ж. Миличевича, что в 1922 году писал о первом вечере Аверченко в Белграде, остался в восторге. Однако в финале посетовал: «Единственно расстроило то, что премьера проходила в таких грязных, разрушенных старых декорациях» [11, с. 4].

Вероятно, Миличевича и других расстроило и отсутствие на премьере автора. Аверченко в это время находился в Румынии; в Белграде появился только в первых числах нового, 1924 года. 4 января «Политика» сообщила, что он приехал все с теми же Райсой Раич и Евгением Искольдом и что 10 января они дадут единственный вечер в зале «Станкович» [9, с. 5]. А журнал «Comedia» 7 января напомнил о недавно прошедшей «Игре со смертью» и сообщил, что на днях состоится вечер писателя в Манеже, а перед православным Новым годом — в отеле «Сплендид» [16, с. 5].

Вечер в Манеже состоится чуть позже, а упоминаний о выступлении в отеле «Сплендид» нами не обнаружено. Известно, что вечер прошёл 10 января в зале «Станкович», как и анонсировала «Политика» [10, с. 6]. Затем 16 января Аверченко выступал в Сербском народном театре г. Нови Сад. Наконец, 22 января в Манеже прошёл прощальный «Книжный вечер Аркадия Аверченко». Однако писатель ещё с месяц оставался в Сербии: 7 и 24 февраля «Игра со смертью» прошла в театре Нови Сада. Где-то в конце месяца писатель отправил открытку своему пражскому другу К. П. Бельговскому: «Како стэ. Молим лепо не забуравьте мнэ, као я вас не забуравил (словечко-то, а? это значит по-сербски “забыть”!). Ещё три-четыре дня и я буду путешествовать до Злата Прага» [8, с. 7].

Вернувшись в Прагу в первых числах марта 1924 г., в первом же интервью тому же Бельговскому Аверченко поделился: «За эти 20 месяцев, что я не был в Белграде, города не узнать. Он великолепно отстроился, почистился... Ещё два-три года — и в Европе будет одной культурной европейской столицей больше. Растёт молодёжь!» [7, с. 9]. Тон этого интервью приподнятый, хотя писатель вернулся в Прагу в подавленном настроении. Он простился с Раич и Искольдом, плохо себя чувствовал. Однако бодрился и продолжал шутить. Например, в анкете о пользе кинематографа, которую 24 апреля 1924 года перепечатала белградская «Comedia» из неназванного издания: «Несколько столетий назад, когда печатную книгу только изобрели, были старинные Аркадии Аверченко, и у них тоже, как вы у меня спрашиваете, что я думаю о фильмах, спрашивали — что вы думаете о печатной книге? Есть ли у неё будущее? Полезна она или вредна?

Те древние Аверченко, принимая умный вид, откидывались на спинку старинных кресел и важно говорили:

— Что я об этом думаю?.. Идея печатать книги не глупая. Хотя вредные книги не стоит печатать, а вот полезные станут ещё более полезными.

То же самое сейчас с фильмами.

Как я смотрю на фильмы?..

— О, Боже мой... Как смотрю?.. С удовольствием, с волнением... С таким волнением, будто читаю хорошую книгу. Есть, конечно, плохие фильмы, ну и что с того. Зато каким жемчужным блеском сверкают хорошие фильмы, а их, слава Богу, больше. И вовсе не нужно избегать кинематографа (некоторые так и делают) только потому, что там можно наткнуться на плохой фильм.

Единственный недостаток фильма — краткая жизнь, как у хороших, так и у плохих. Появится на экране хорошая работа, сверкает с неделю, а затем уходит на другой экран и так же быстро исчезает навсегда» [12, с. 19].

Такой же яркой, но краткой оказалась жизнь самого Аркадия Аверченко. 12 марта 1925 года в возрасте 44 лет он скончался в Праге, о чём на следующий день с прискорбием сообщила белградская «Политика»: «Редакция потеряла в лице Аверченко своего прекрасного партнёра, которому с радостью предоставляла свои столбцы. Помимо прочего, он опубликовал в „Политике“ свой роман „Подходцев и другие“, который был тепло встречен нашей читающей публикой» [4, с. 5].

В память об ушедшем коллеге, как говорилось выше, газета выпустила «Подходцева...» отдельным изданием. Своя судьба была и у сербского перевода «Игры со смертью». В Белграде пьеса более не шла, однако 11 сентября 1925 года и 11 октября 1928 года была показана в Сербском народном театре Нови Сада.

Анализ и систематизация публикаций сербской прессы 1922–1925 гг. позволили сделать следующие выводы:

- основные деловые контакты Аркадия Аверченко в Белграде и КСХС в целом сформировались во время его первого пребывания 22 мая – 16 июня 1922 года;
- сотрудничество писателя с КСХС было направлено на переиздание его произведений в переводе на сербский язык и осуществлялось по трём направлениям: пресса (белградская газета «Политика»), книгоиздание («Освит-книга» и издательство Святослава Дебелевича), театр (Национальный театр Белграда, Сербский народный театр Нови Сада);
- к установленным адресам писателя в Белграде следует отнести отели «Астория» и «Гранд Отель», а также Манеж и зал музыкального училища «Станкович»;

• повесть Аверченко петербургского периода «Подходцев и двое других», переведённая на сербский язык, пользовалась читательским успехом;

• судьба сербского перевода романа «Шутка Мецената» остаётся не выясненной.

Белградские эпизоды биографии писателя, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении. Перспективной в этом направлении представляется работа с архивами Ю. Л. Ракитина (хранится в Театральном музее Воеводины) и газеты «Политика».

Источники и литература

1. Аверченко, А. Т. Утисци из Бугарске // Политика. 1922. 26 мая.
2. Аверченко, А. Т. Предговор српском издању // Политика. 1922. 8 июля.
3. Аркадије Аверченко // Comedia. 1924. 7 января. № 2. С. 3–4.
4. Аркадије Аверченко // Политика. 1925. 13 марта.
5. Аверченко у Београду // Политика. 1922. 27 мая.
6. Аверченко у Манежу // Политика. 1922. 30 мая.
7. Б. [Бельговский К. П.] Аркадий Аверченко о самом себе (от нашего пражского корреспондента) // Эхо-«Aidas». Иллюстрированное приложение к газете «Эхо». 1924. 2 марта.
8. Бельговский, К. Письма Арк. Аверченко // Иллюстрированная Россия. 1926. № 10. С. 6–7.
9. Вече Аркадије Аверченко // Политика. 1924. 4 января.
10. Вече Аркадије Аверченко // Политика. 1924. 10 января.
11. Ж. М. Игра Смрћу // Политика. 1923. 22 ноября.
12. Књижевници и уметници о филму // Comedia. 1924. 27 апреля. № 17. С. 18–20.
13. Крунић, Д. Аверченково вече // Правда. 1922. 1 июня.
14. Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко. М. : Молодая гвардия, 2010. 327 с.
15. Милићевић, Ж. Гнездо тица селица // Политика. 1922. 29 мая.
16. М. С. Аркадије Аверченко — Игра Смрћу // Comedia. 1923. 26 ноября. № 2. С. 3–4.
17. Письмо М. Миленовича А. Т. Аверченко // РГАЛИ.Ф. 32. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–2.
18. Письмо А. В. Еропкина А. Т. Аверченко // РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 183. Л. 3.
19. «Подходцев и другови» // Политика. 1922. 7 июля.
20. Ракитин о Аверченку // Comedia. 1923. 26 ноября. № 2. С. 4.
21. С. Ш. Аверченко у Београду // Време. 1922. 23 мая.
22. Хлебина, А. Е., Миленко, В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1981–1925). М. : Дмитрий Сечин, 2013. 543 с.